

Пинчук Ольга Владимировна

Воспитатель,

ГКДОУ "Детский сад.273 г.о. Донецк" ДНР

Судьбы детей войны

Мне было 5 – 6 лет. Из блокадного Ленинграда нас эвакуировали в Пермскую область. Везли через Ладогу, где мы попали под бомбежку. Много детей погибло, а кто выжил, натерпелся страха и ужаса. Трудно забыть картину уходящих под лед машин, людей, детей. На Урал нас везли в товарных вагонах вместе со скотом. Кормили глюкозой (помню большие сладкие таблетки). На какой – то станции наш поезд разбомбили. Загорелись вагоны, в окнах эти вагонов кричали дети, они били руками по стеклам, а потом все вокруг смешалось: метались из стороны в сторону люди, плакали дети, ржали лошади, мычали коровы, визжали свиньи. Мою сестру Нину осколком ранило в лицо, из ушей и раздробленной челюсти хлестала кровь, сестре Тамаре пули попали в ногу, мама была смертельно ранена. На всю жизнь я запомнила эту картину.

Уже был март 1942г., но стояли крепкие морозы. С убитых снимали теплую одежду, обувь, а потом всех убитых свалили в общую могилу. Я кричала: «Дядя, не надо мою маму», сестер увели, чтобы оказать им медицинскую помощь, а я сидела возле матери, которую почему – то положили на кучу опилок. Дул сильный ветер, опилки засыпали её раны, мама стонала, а я вычищала ей раны и просила: «Мама, не умирай»! Но она умерла. Я осталась одна.

Война отучила нас плакать. Второй эшелон шёл куда – то в сторону Старой Руссы Ленинградской, нынче Новгородской области. Мы опять попали под бомбёжку. Как рассказывали мне уже старожилы этих мест, что эти места Северо – Западного фронта были захвачены фашистами. Я помню, как они нас куда – то гнали. Нас выстраивали по возрасту. В это время никто не плакал, мы четко усвоили урок: заплачешь – расстрел. Мы были с сестрой Тamarой, она была старше меня на три года, а вторую сестру куда – то после

первой бомбёжки забрали в больницу. О ней мы не знали ничего даже после войны.

Тамара уговаривала меня не плакать, так как на наших глазах была убита маленькая девочка только за то, что всё время плакала. Немец вывел её из шеренги и, чтобы все видели, пристрелил.

В этих местах были ожесточенные бои и со стороны немцев, и со стороны советских

расположений, можно было погибнуть неизвестно от чьих бомб и пулемётных очередей.

А потом был детский дом в д. Володино Соликамского района Пермской области. Ужасные картины войны надолго запечатлелись в моем сознании. Я не могла спать по ночам, мне постоянно казалось, что меня кто – то заматывает в какие – то нитки, и я кричала: «Здесь нитки, зачем меня в них заматывать?».

Приходила няня, брала меня на руки и успокаивала, я запомнила только её имя – Зинаида Ивановна. Я на всю жизнь пронесла любовь к этой женщине, благодаря ей я потихоньку успокаивалась.

В детский дом приезжали люди, и нас начинали одевать и причесывать, эти дяди и тёти выбирали для себя детей. Никогда не забуду мальчика Витю Ершова, у которого была сестра Лера, и его сестру выбрали эти люди и увезли в неизвестном направлении, а Витя никак не мог успокоиться. Он никому не подчинялся, все бил, крушил и кричал: «Верните мне мою сестру, где моя сестра Лера?» Я так боялась, что, когда - нибудь, выберут или меня, или сестру Тамару.

1944 году нас отправили в другой детский дом в г. Усолье Пермской области, это было ужасное время. В этом детском доме я не знала вкуса хлеба, хотя каждому ребёнку выдавали норму: на завтрак 100 граммов, в обед 200 граммов, на ужин 100 граммов. Но хлеба я не видела. У меня его отбирали все: старшие мальчишки, взрослые девчонки. В столовой я ела только кашу и суп, заправленный ложкой рыбьего жира, а когда выходила из столовой, то зажимала глаза и выставляла вперёд руку с этой своей нормой хлеба. Я даже не знала, кто у меня его отбирает, я только чувствовала удары по голове, по спине куда придется. Детдомовцы часами стояли в магазинах, где по карточкам выдавали хлеб, и ждали, когда продавец даст

нам кулечек хлебных крошек, которые оставались после нарезки. Люди были добрые, они жалели нас. Рядом с этим магазином пленные немцы, строили какой – то дом. Их охраняли, территория была обнесена проволокой, мы бросали в них камни, палки, а они, когда не видел охранник, передавали нам по кусочку хлеба. Наверное, их кормили в то время лучше нас.

Наконец в 1947 году пришел приказ: всех детей собрать в один детский дом, который находился в с. Касиб Пермской области. Сюда мы прибыли на повозках, укрытые тулупами. Детский дом находился в лесу, поэтому выживать здесь было легче. Мы попали, как в рай. Летом много грибов и ягод: брусника, костяника, черника и голубика, вдоль ручьев росла смородина, и мы постепенно начали, забывать про войну и оживали. Добрые деревенские люди также подкармливали нас, их дети делились с нами сушеной морковью и картошкой, и мы были очень благодарны им за это. Счастливы были те, у кого оказались живы родители, за ними приезжали, а мы, сироты, сидели и плакали, мы знали. Что нам предстоит очень тяжелая жизнь.

На этом рассказ был закончен, она заплакала и ушла в другую комнату, больше я никогда не затрагивала тему о войне.